

1

ПУСТЬ ПЛЯШУТ КОСТРЫ ДО САМОЙ ЗАРИ

У Василисы был только один шанс. Нанести удар быстро и не выдать себя. С нечистой нельзя иначе. Либо ты их, либо они тебя.

Колосья пшеницы забеспокоились, пропуская меж стеблей тусклый зелёный отсвет. Неподалёку от места, где пряталась Василиса. Зелёный огонёк мигнул и поплыл точно в сторону чародейки. Вслед за ним, будто по команде, начали зажигаться другие огоньки. Всё больше и больше. Вот уже их тревожное сияние охватило всё поле. Василиса приготвилась. На кончиках пальцев заплясали искры, но она сжала кулаки, и искры потухли. Не выдавать себя.

Василиса задержала дыхание.

Огонёк подплыл ближе и замер. Василиса услышала приглушённое рычание и сдавленный писк полёвки.

Пора! Чародейка выбросила вперёд руку.

— Замри! — парализующее заклинание сорвалось с пальцев и попало точно в цель.

6 Зелёный огонёк дёрнулся и потух. Остальные огоньки заметались по полю и тоже принялись гаснуть один за другим.

Василиса улыбнулась, поднимаясь на ноги.

— Бегите-бегите!

Она подошла к своей добыче. Парализованный анчутка¹ лежал на земле рядом с растерзанной мышью. Жирненький, с два кулака. Зелёная шерсть была заляпана кровью и грязью, маленькие чёрные глазки смотрели злобно, острые ушки прижались к лысой серой голове, а огромный зубастый рот перекосило в оскале.

— Вы чего поля разорять повадились? — строго спросила Василиса. — Думаете, раз у нас полевика своего нет, так можно баловаться?

Анчутка задёргал когтистыми лапками, похожими на крысиные, — заклинание начало ослабевать.

— Порву тебя на куски, ведьма поганая! Это мы Хозяина поля разорвали и сожрали! И тебя разорвём и сожрём!

Василиса вздохнула и присела на корточки рядом с анчуткой.

— Правда, что ли? Вы полевика нашего сожрали? Сидели бы в лесу себе дальше, зачем пшеницу пришли портить?

— Сдохни-сдохни-сдохни! — орал анчутка, трясь от ярости. — Я всех вас убью!

¹ Анчутка — маленький вредный бес размером с котёнка. Обитают анчутки на болотах и в лесных чащах. Питаются бесенята падалью и мелкой живностью, редко сбиваются в стаи. Людей анчутки избегают, но речь людскую понимают и любят при случае сквернословить. Отличаются особой трусостью и скудоумием. Казимир Полоз «Духи, умертвия и другая нечисть Вольского Царства». (Здесь и далее прим. автора.)

— Нет, дружок. Ты вернёшься в лес, — Василиса взяла анчутку за шкуру и подняла на уровень глаз. Бесёнок поджал лапки, будто котёнок. — И пока к нам новый полевик не пришёл, убивать тут буду я. И преимущественно вас, если снова вернётесь. Ясно?

Говорить она старалась грозно, глядя бесёнку в чёрные, широко распахнутые глазёнки. Анчутки хоть были твари наглые и крикливые, но до жути впечатлительные и трусливые.

— Ещё раз вас тут увижу, сожгу к чубасьей¹ матери, — Василиса зажгла на кончиках пальцев пламя и поднесла его к зелёной сморщенной, как у летучей мыши, мордочке. Бесёнок завизжал. — Всё ясно?

— Ясно-ясно, гадюка уродская! Всё ясно! Пусты, больная!

— Вот и славненько, — улыбнулась Василиса и бросила анчутку на землю. — Беги.

Заклинание спало, и бесёнок тут же дал дёру. Василиса отряхнула руки. Некоторое время нечисти в полях можно не опасаться.

* * *

Утро выдалось ясное, на редкость прохладное, но обещающее привести за собой жаркий солнечный день. Пташки приветствовали солнце див-

¹ Чубась — домовый дух-вредитель. Эти маленькие существа, похожие на крыс, селятся в домах, которые покинули духи-защитники. Обитают в погребе и по ночам устраивают мелкие пакости: бьют посуду, прогрызают мешки с зерном, тушат огонь в очаге, кусают за пятки спящих. Страшно боятся котов и солнечного света. Казимир Полоз «Духи, умертвия и другая нечисть Вольского Царства».

8 ными переливами тоненьких голосков. В траве шуршали мыши, вдалеке мычали коровы и глухо лаяли псы пастухов.

Василиса лежала на стоге свежего, ещё влажного сена и наблюдала за облаками. Потянулась, наслаждаясь приятным напряжением в мышцах, и закрыла глаза. В животе урчало от голода, но Василиса не спешила покидать своё убежище. Она размышляла о ночной охоте. Неужели и правда анчутки прикончили полевика? Хозяина поля она видела всего пару раз. Дух — маленький лохматый старичок размером с кошку — уже сорок лет следил за посевами и урожаями, отгонял крыс и других вредителей, но не любил показываться людям. А потом просто исчез. Зато нагрянули полчища анчуток. Эти бесенята редко покидали леса и болота. Что вдруг заставило их уйти из насиженных мест и покуситься на полевика и посевы, оставалось неясным.

«Возможно, получится найти ответ в одной из книг Беремира, — подумала Василиса, зевнув. — Но сначала вздремну».

Вилы просвистели и жадно вгрызлись в сено в опасной близости от головы Василисы. Только вот в сено ли? Чародейка была уверена, что целилось это универсальное оружие против всех видов нечисти прямоком в её левый глаз, а то и сразу в оба.

С диким утробным воплем Василиса выпала из стога. Страх тут же сменился злостью и желанием покарать несостоявшегося убийцу.

— Ты куда вилкой своей тычешь, душегуб?!

«Душегубом» оказался Миколка — огромный бо-родатый мужик суровой наружности, но, впрочем,

весьма доброго нрава. Поговаривали, что к пиву он пристрастился ещё с младенчества, отчего не вышел умом, но вымахал до богатырских размеров.

Миколка отступил, прижимая драгоценные вилы к груди. Мутные глазки испуганно глядели на Василису.

— Василиса? Васька, ты, что ли? — выдавил он.

— Ты меня убить вздумал? — проворчала чародейка, отряхиваясь от приставшего сена и вытаскивая колкие травинки из тёмных кос.

Миколка виновато топтался на месте и неловко улыбался.

— Да я ж это... Не знал, — пожал плечами он, почёсывая жёсткую каштановую бороду. — А ты чегой-то по стогам спозаранку ховаешься?

— Тебя жду! Чтобы в жабу превратить, а то в пруду запевалы не хватает.

Миколка почесал волосатой лапищей в затылке, видимо, сосредоточенно обдумывая предложение получения важной роли в местном водоёме.

— Не надо меня в жабу, — в итоге серьёзно изрёк он.

— Ладно, уговорил, не буду, — отмахнулась Василиса.

На окраине поля появился большой сивый пёс, издав далеко походивший на упитанного волка. Василиса вздохнула — конвой прибыл.

Не удосужившись попрощаться с Миколкой, чародейка поплелась навстречу псу.

— Васька! — крикнул Миколка вдогонку. — Сегодня ж гуляния начинаются у девок. Ты придёшь?

— Если дел поважнее не будет! — ответила Василиса и хмуро обратилась к псу: — Ну, Вой, чего пришёл?

10 Вой возвёл на неё карие глаза, смотрящие с откровенной укоризной, нравоучительно промолчал и отправился вниз по дороге.

— Ну да, я опять сбежала! В конце концов, имею я право на личную жизнь?

Василиса шла следом и пыталась придать себе как можно более виноватый вид. Пёс снова не удостоил её ответом, только слабо вильнул опущенным хвостом.

Деревенька Лютоборы, расположенная в Тригорской долине, что на самом краю Дарнецкого княжества, уже давно проснулась. Стоял конец лета — время сбора урожая, так что народ трудился на полях и в огородах. Детишки гоняли по улицам кур и гусей, а порой куры и гуси мчались за обнаглевшими мальцами. Деревянные домики смотрели на улицы разноцветными наличниками из-за низеньких плетней. А каждое утро ветер приносил в Лютоборы свежий воздух с рек, запахи трав с соседнего поля или просто гонял меж домов дорожную пыль.

Деревня, окружённая тремя горами — отсюда и название долины, в которой она располагалась, — уместилась в устье двух рек, посреди огромного дремучего леса. Василиса ещё не забыла, как семь лет назад впервые приехала в долину. Тринадцатилетняя девчонка, сбежавшая из дома в поисках лучшей жизни. Она долго плутала по окрестным лесам, пока не встретила добродушную тригорскую знахарку. Та вызвалась проводить чародейку до деревни, по дороге заболтав до такой степени, что Василисе захотелось снова затеряться в чаще.

Под конвоем пса чародейка дошла до потемневшего от времени домика на самой окраине деревни. Маленький сруб с соломенной крышей заметно косил, обещая в один прекрасный день завалиться на правый бок. Левое крыло крыши зеленело сорняками, а по осени на нём даже росли грибы-дождевики. По одному взгляду на избушку становилось понятно: домовый отлынивает от дел.

Вой лёг у крыльца и устало положил голову на лапы. Василиса легонько потрепала пса по голове и проскользнула в дом.

Внутри было тихо. Беремир дремал в кресле у печи. Очки в костяной оправе сползли набок и грозили свалиться на пол.

«И этот спит!» — подумала Василиса и хитро улыбнулась.

Намереваясь хорошенько пошуметь, она направила взгляд на чугунные горшки, аккуратно расставленные на полке, и тут её заметил домовый Тирг — чёрный вредный кот с порванным ухом и плешивым боком.

— Яви-и-илась! — возопил Тирг, вскакивая на задних лапах.

Наставник подпрыгнул в кресле, разбуженный кошачьим воплем. А Василиса запустила в домового раскалёнными добела искрами. Стена позади него тут же покрылась копотью, а Тирг поспешил спрятаться за печкой. Запах палёной шерсти подсказывал, что хвост коту уберечь не удалось.

— Василиса-Василиса, — укоризненно покачал головой Беремир, плохо скрывая улыбку. — Достойные чародейки не гоняют домовых и уж тем более не портят стены в домах своих учителей.

Василиса опустила глаза и начала шаркать ножкой, всем своим видом показывая, как ей ужасно, ну просто смертельно стыдно. Впрочем, заметно переигрывая. Наставник тяжело вздохнул. А Василиса исподлобья покосилась на него: вроде бы не сердится. Наверное, опять думал о том, какая нерадивая ему досталась ученица.

— Ну, и где ты всю ночь пропадала? — поинтересовался Беремир.

Василиса знала, что Вой давно сдал её со всеми потрохами. Наставник любил посмотреть на мир глазами своего верного пса.

«Гадкий пес, ни одной кости у меня больше не получит», — зло подумала Василиса и не моргнув глазом доложила:

— На сеновале.

Наставник поднял на чародейку живые голубые глаза и сложил руки домиком. Точно так же — со смесью любопытства и недовольства — он смотрел на Василису в день, когда она внезапно объявилась у него на пороге и потребовала взять себя в ученицы.

— И чем, позволь поинтересоваться, ты там занималась?

— Анчуток ловила, — честно ответила Василиса. — Миколка жаловался, что они у него пшеницу портят. Они ещё и полевика...

— А меня предупредить? — развёл руками Беремир. — Ну, вот что мне с тобой делать? Нормальные девицы в её возрасте по ночам на сеновал целоваться бегают, а она то несчастных бесов гоняет, то по лесу шастает вурдалаков выслеживает, то бедных русалок из пруда на дубы перетаскивает. Семь лет уже прошло, а ума не прибавилось.

Василиса печально вздохнула: что ж подела- 13
ешь — не прибавилось...

Из-за печки выглянула хитрая морда домового.

— И меня, хозяин, ни за что ни про что обижа-
ет, — взвыл он и тут же юркнул обратно, атакован-
ный очередным снопом искр.

Наставник обратил на ученицу долгий тяжё-
лый взгляд внезапно потускневших глаз. Васили-
се стало не по себе. Так порой смотрел старый
Вой, а домовый вздыхал и без особых сожалений
говорил, что недолго псу осталось. Но не успела
Василиса толком испугаться этого взгляда, как
Беремир улыбнулся, поднялся с кресла и подо-
шёл к книжному шкафу. Василиса настороженно
следила за наставником, ожидая обычного наказа-
ния, которое следовало за подобными ночными
прогулками.

— Наказание, — пробормотал Беремир. Взял
с полки книгу, начал медленно перелистывать
страницы. — Пожалуй, в наказание мы сегодня
займёмся бегом и фехтованием...

Василиса молчала. Не так всё плохо. Во всяком
случае, интереснее приготовления зелий или по-
мощи местным, которым обычно требовалось вы-
гнать крыс и тараканов или вылечить похмелье.

— А потом, — Беремир сделал интригующую
паузу, — ты отправишься на гуляния в честь нача-
ла Осенних Уз.

— Не-ет, — протянула Василиса. — Что мне там
делать?

— Будешь помогать Милене и следить за по-
рядком на площади. Через пятнадцать минут жду
тебя на заднем дворе, — на этих словах Беремир
сунул книгу под мышку и вышел из избы.

— Держи удар! — Беремир сделал два выпада двуручным мечом.

Василиса охнула, едва успевая отбить первый и увернуться от второго. Мечник из чародейки был, прямо скажем, так себе. Она не любила ближний бой, предпочитая холодному оружию боевые заклинания, но Беремир не уставал настаивать на том, что хороший Ворон должен владеть обычным оружием не хуже магического.

— Не расслабляйся! Что будешь делать, когда в бою опустеет резерв? Сдашься на милость врагу? — крикнул Беремир, продолжая наступать.

Василиса поморщилась. Начинается: «Сила чародеев не бесконечна... ля-ля-тополя...»

— Сила чародеев не бесконечна! Только глупец будет рассчитывать исключительно на заклинания. — За каждым словом Беремира следовал мощный удар. Василиса едва успевала отбиваться. — Будь умнее! И проучи такого глупца!

— Разве не для этого в пару чародею дают воина? Железками махать... — проворчала себе под нос Василиса, но наставник её услышал.

— Воин — твой партнёр, а не опора. Учись полагаться на себя!

Учитель не давал Василисе возможности перейти в наступление, вынуждая защищаться. Несколько раз он даже сумел достать её — задел правое предплечье и хорошо приложил по бедру. Будь мечи наточены, Василиса сначала лишилась бы руки, а потом истекла кровью, попрощавшись уже с ногой. Сейчас же ей грозили пара синяков и горечь обиды. Василиса стиснула зубы: надо что-то делать, иначе она скоро окажется на земле.

Вариантов было немного. Можно продолжать уворачиваться и надеяться, что наставник выдохнется, чтобы получить возможность нанести хотя бы один удар. Задача не из лёгких. Пусть Беремир и выглядел как старик, силе и выносливости его могли позавидовать многие воины. А уж не выспавшейся Василисе, которую учитель перед уроком фехтования успел погонять трусцой вокруг огорода, надеяться было и вовсе не на что. Пот заливал глаза, дыхание уже давно стало прерывистым, руки дрожали от усталости.

Но ещё можно было схитрить.

— Никакой магии, Василиса! — прорычал Беремир, безошибочно предугадывая намерения ученицы. — Превращу в козу на неделю!

— Так нечестно! — рявкнула Василиса и из последних сил ринулась в наступление. — У вас преимущество!

— Я порадуюсь, если в жизни тебе будут попадаться только честные противники, — засмеялся Беремир, легко отражая слабые удары чародейки, — которые не заденут твоё хрупкое эго!

— А-а! — закричала Василиса и кинулась в лобовую. Скорее от безысходности и усталости, чем надеясь пробить защиту Беремира.

Разумеется, удар не прошёл. Чародейка напоролась на меч, а в следующий миг грубая подножка уложила её на лопатки. Земля ударила в спину, вышибая воздух из лёгких, меч отлетел в сторону, и Василиса со стоном потянулась к ушибленному затылку.

— Не смей так легко сдаваться! — Беремир, который обычно со смехом встречал неудачи ученицы, сейчас говорил зло и грубо.

